

Цена 50 р. № 6 (8) Декабрь 1920 г. „В борьбе обретешь ты право свое!“

„ЗНАМЯ“

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ НАУКИ, ИСКУССТВА и ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ

Издание Ц. О. Б. партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов).

Прием по делам редакции и конторы ежедневно от 5 — 8 веч. Москва, Петровка, 23 уг. Богословского.

СОДЕРЖАНИЕ: К партийному совещанию **О. Л. Чижиков.**—Единый хозяйственный план. **И. З. Штейнберг.**—Большинство или меньшинство? **Иванов-Разумник.**—П. Л. Лавров и коммуна. **А. Залужный.**—Производственная пропаганда и социалистическое воспитание масс. **И. Ш.**—Раскол среди германских коммунистов. **Н. Клюев, Н. Ерошин, Вера Арнс, Ал. Святогор.**—Стихи. **Андрей Белый.**—Учитель сознания (Лев Толстой). **Конст. Эрберг.**—О догматах и ересьях в искусстве. Новости искусства и литературы. Библиография. От редакции. От конторы.

К ПАРТИЙНОМУ СОВЕЩАНИЮ.

После двухлетнего перерыва мы вновь стоим накануне Всероссийского совещания партии. Не будем скрывать ни от себя, ни от друзей наших, что эти два года совпали с периодом глубочайшего, тактического и организационного разброда в рядах левонародничества. И у многих, не слишком стойких товарищей, естественно, могла не раз зарождаться мысль о том, насколько жизненно и прочно дело левонародничества, насколько закреплено оно в классово-трудовых отношениях и идеалах социалистической революции.

Сомнения эти, быть может, были психологически естественны, но ни логически, ни исторически они не имеют под собой никакой почвы. Да, партия переживала труднейшие тактические, злободневные, текущего дня разномыслия, но она не испытала в своих рядах чего-либо похожего на **идейно-программный** кризис. Скажем больше: в огне испытаний и горьких разочарований она идейно крепла, она программно сглаживалась. Пусть наши хулителю или робкие сердцем друзья укажут нам хотя бы на один принципиальный пункт, в котором идея левонародничества потерпела крушение. Пусть они окинут взором все гра-

ни, все вершины и ухабы революции, от первого дня ее октябрьского начала до нынешнего дня, и они принуждены будут признать, что почти всегда, а иногда даже с поистине пророческой прозорливостью, партия наша **верно** предупреждала о грядущих опасностях, **верно** намечала вехи грядущего развития. Многого из того, что в свое время было принято вопреки ее предостережениям, жестоко отометило за себя, а многия из ее указаний, что в свое время не были приняты во внимание, заставили потом себя признать. Круглыми путями, отдаленными тропинками, через густую чащу оговорок, переделок и поправок, но официальная советская государственность, в своей теоретической мысли, приходит к идеям и методам, с которыми левое народничество выступало на арену действия и пропаганды. Достаточно будет только напомнить о нынешних неканонах ее в области построения народного хозяйства, о прогрессирующем призывании роли сельского хозяйства, о стремлениях к расширению местной инициативы.

Но, ведь, не только в одной России, но и на Западе для нас за истекшее время выяснилось существование многочисленных род-

II.

За окном моей каюты
Волга, берег, сирий свод.
На песке стоят разуты
Рыбаки у желтых вод.

Солнце в волны разом хлынет—
Ослепит огнем река.
Удку верно перекинет
Загорелая река.

Врезав нос в песка полосу,
Ждет намоченный баркас,
Как рыбак, взяв в руки доску,
В волны кинет зоркий глаз.

А у щупленькой хатешки,
Унимая ребячьё,
Баба вешает пелепки...
Эх, рыбацкое житьё!

Ал. Святогор.

УЧИТЕЛЬ СОЗНАНИЯ (ЛЕВ ТОЛСТОЙ).

I.

В «Дневнике» Льва Толстого встречаются нас истины мудрости; многое из того, что им сказано, сказано над-индивидуальным сознанием, называемым в терминах философии Индии Манас, который есть «Я». Но «Я» — дух.

Появление в истории «Я» проблемы рисуется в великопнейшем образе Кришны ученику пути Йога, Арджуна. Арджуна среди поля брани горюет: **«Лучше питаться подаянием... чем убивать... И не ведаем, что лучше... быть побежденным или победить»** (Бхагавот-Гита). И Кришну ему отвечает: **«Человек не может ни убить, ни быть убитым. Он не рождается и не умирает. Взирай лишь на дело, а не на плоды его... Отдайся Йоге; Йога есть искусство в действиях»** (idem). Путь этих действий ведет к отрешению от действий бесцельных; Йога — учение о внедействии в действиях, о покое в борьбе.

На вопрос Арджуны, как выйти из войны, указывается Кришну наука: то — Йога. Но внешний отказ рекомендует она, а особые действия пресуществления борьбы; очищено действием действий есть йога. «Пусть Йог... упражняется в йоге... его не потрясет даже самое тяжелое горе» (idem).

В чем йога? В умении подчинить себя высшему «Я». И кто Кришну? Он — «Я», ра-

зорвавшее личность Арджуны, личинку; он есть «Я» Арджуны, космического сознания его: **«Я есть источник возникновенья вселенной»**. Люди суть пальцы одного организма, укрывающиеся друг от друга перчаткой, надетой на них, где перчатка суть керосты чувственной, личной жизни.

Как сбросить ее?

«Замкнув все врата, разум заключив в сердце, сосредоточив жизненное дыхание в голове... Кто покидает свое тело, повторяя... Дум, думая обо Мне, тот достигает» (idem беседа восьмая).

В йоге—две стороны: 1) погружение в сердце ума, 2) оживление сознания; путь погруженья ума—есть путь мистиков; путь оживления сознания—гнозис; два делания сочетаются погою: деланье головное (или умствепность) с деланьем сердечным. История самосознания человечества есть рассказ о двух путях: о мистическом страстии и о гностическом страстии человека в эпохах; но оба пути — лишь перчатки, которые надо нам сдернуть; лишь в йоге становимся мы перед «Я», отрешенным от керостов чувственных и не ставшим—рассудочным «Я», или абстрактным «суб'ектом познания» философов нового времени. «Я»—имя Бога: «Я»—высшее; по это «Я», в нас рождается, является нам, как «Он» в нас: «Отче Наш!» После «Он» открывается в нас, как «Я» подлинное в «Я» неподлинном; и о том гласит Кришну: **«Чувства велики»; выше чувств—ум; выше ума—чистый разум; выше чистого разума — Он»** (idem).

«Я»—импульс Любви; «Я» не то, что глядит на объекты лежащего мира, а то, что связует объекты с суб'ектом и делает: «Я—это Ты».

Йога это вскрывает конкретно: вот путь обретения покоя в борьбе, разрешение проблемы, поставленной среди брани Арджуной.

2.

Толстой есть предтеча грядущей Любви; «Он», или Голос, читающий знаки судьбы человека, уже раздавался в нем лютвенно; голос тот—Манас; «Он»—демон Толстого, подобный Сократову демону; и «Он»—больше; «Он»—громче; звучней, повелительней «Он» произнес из Толстого Толстым свое слово: и «Им» стал писатель Толстой нашим новым учителем. В «Дневнике» Лев Толстой называет «Его» то «Отцом», то «Хозяином».

Манас—орел, распростертый над личным сознанием нашим, как Знание о сознании мировом; два крыла Его есть две стороны Разума: 1) сторона, облеченная в ясность дневного сознания рассудка и 2) сторона над-рассудочная, без'ясная, не открытая в слове: мы знаем: об этой последней гласит философия Владимира Соловьева рассудочно; и молчат бессловесно великие посвященные в Манас. И тот, и другие являют Орла однокрылым; Орел—не извывается явно для всех. Он извывается явно в Толстом.

Этот ведаст соединение Манаса с Жизнью; его сознание «О жизни» есть верх опрозраченной ясности в разоблачении Манаса древней ноги; здесь ясная мысль изрекается образом мудрости без рассудочной ряби на ней; в Соловьеве еще много ряби; и он непонятен народу; понятен—Толстой; и поэтому может во внятное слово свое он вложить углубляющий смысл; его мысль уж не зеркало отражения берегов в воде мысли, а самая глубина опрозраченных вод, выявление жизни воды с ее «рыбами-мыслями»; можно закинуть в Толстого наш исвод, и вытащить «рыб», и конкретно «пятьаться» всю жизнь; отражением берегов на воде, отражением даже себе («философии Соловьева не питаешься в жизни; все «рыбы» Л. Толстого суть новые смыслы рассудочных смыслов; до осязания Манаса в ясных, мужицких словах Соловьев не высился; и стал «философом» только; Толстой стал учителем.

Лев Толстой заключает Сократа в себе; включает в себе и Силена (грохочущий хаос таинственной, дионисовой жизни); но «Силена», обитающий в мире Толстого, вступает в борьбу с восстающим «Сократом»; в себе натывается тот, кого чтит уже мир, как художника, на другого, который «и подл, и тщеславен»; «Стал думать о себе, о своих обилах... И опомнился... И хорошо стало... стало быть есть тот, которому мешают подлый, глупый, тщеславный, чувственный Лев Николаевич»¹⁾.

Подлинно моншизм Сократом в Толстом пробывает Декартово «Cogito»: «Разум... орудие для познания, поверка, критика»...²⁾.

Мы «знаем нечто... таким, какое оно есть»... «Что же?»—«То, что познаем. Оно именно такое, каким мы его знаем»³⁾. Но познанию выдвигает Толстой цель познавая; по-

знание без цели—безумие, как бы не было логично оно: «Разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои суждения по порядку их важности»⁴⁾. Рассуждение, не связанное с общей целью... безумно, как бы не было оно логично»⁵⁾. Отсутствие цели в распределенье понятий и создаст все безумие абстрактных выводов наших о том, что есть жизнь: «Не то, что мы называем наукой определит жизнь, а наша понятия о жизни определит то, что следует признать наукой»⁶⁾. «Должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука»⁷⁾. Говорят.. наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа—и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны.. нужнее»⁸⁾. «Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем»—этот тезис Конфуция выдвигает Толстой неустанно.

Чудесно вскрывает Толстой в своей книге «О жизни» весь ряд совершаемых нами смещений в определении жизни при помощи разных служебных и жизни же подчиненных абстракций; вскрывает, что жизнь патинается там, где — сознание; жизнь и сознание есть то же; родимся мы в жизнь лишь тогда, когда мы осознаем в себе, центр сознания, а не когда биологически мы появимся на свет; появлению наше на свет не есть жизнь (жизнь-сознание); «брызнь» это. Уразумение голоса собственной жизни уразумение «Манаса». «У меня были времена, когда чувствовал, что становился проводником воли Божьей... Истина проходила через меня.. Дай Бог, чтобы прохождение их (истин) через меня не освернило этих истин»⁸⁾.

Крипшу учат: «Я — Манас; из всех существ Я — сознание». Сознание собственно в нас это—Манас. Толстой утверждает, что жизнь есть Сознание; этим становится он выразителем в новом обличьи учения Крипшу. В том появляется снова стремление к конкретной, практической мудрости; эту науку практической мудрости он называет духовной наукою, ищет следов ее в истинах мудрости

4) «О жизни».

5) Idem.

6) Idem.

7) Idem.

8) «Дневник» I стр. 251.

1) «Дневник»?

2) Idem.

3) Idem.

у всех веков и народов: «Суеверий тысяча, а не вер; учений же вер... нет и десяти и все они сводятся к одной и той же вере, только иначе высказываемой»⁹⁾. «Религия есть сознание тех истин, которые... понятны... и несомненны как $2 \times 2 = 4$. Дело религии... выражение этих истин»¹⁰⁾. Путь выражения—делать: йога: «Когда истина... выражена, она... меняет жизнь»¹¹⁾. Манас в нас прорезается в практике мира сознания; всякая философия—практика; индусская йога глядит точно так же; познание наше погично. Толстой говорит: «Материалисты... не знают, что сделали в критике познания индусы»¹²⁾.

3.

Йога — ученье для избранных и немногих; Толстой открывает преддверия йоги для всех; отныне, с Толстого, нигизм—есть всемирное дело, «мужицкое» дело. Он—вещие Манаса, бывшего лишь сознанием немногих когда то; но ныне настала эпоха иная: вошло человечество в возраст, когда ему Манас откроется так же, как ныне открыты законы рассудка для каждого, кто изучает науку: она—всем доступна.

Толстой—выразитель доступной всем Мудрости; он—открытие грядущей культуры. Восставши, пошел Лев Толстой перед всею Россией в огромные шири всеанского света; уход Льва Толстого сперва из уже обветшавшей культуры, потом из дому, сквозь смерть в жизнь бессмертия есть величайший доступнейший символ.

Бессмертие приблизилось.

И голые Толстого есть Голые много, едящего мира. Сквозь все испытания встретим достойно Его.

Андрей Белый.

О ДОГМАТАХ И ЕРЕСЯХ В ИСКУССТВЕ.

I.

Когда какая-нибудь художественная школа укрепились в своей идеологии настолько, что все ее адепты без колебаний, в один голос дают единообразный ответ на любой из поставленных им теоретических вопросов; когда нет в художественном сознании приверженцев этой школы никаких сомнений; когда они при-

шли в состояние художественного равновесия и успокоенности; когда все для них ясно, все решено и все формулировано; когда идеология их закреплена в ряде непререкаемых тезисов; когда тезисы эти высечены на скрижалях школы,—тогда школа уже мертва. Оговариваюсь: мертва—как выразитель определенной идеологии; ибо все же не следует забывать, что смерть школы не всегда совпадает со смертью ее творений. Итак, кристаллизация идеологии в некий **непреложный** догмат тлетворна для всякой художественной школы.

Почему?

Я не сторонник огульного применения в области искусства категорий буржуазности и социалистичности. Измерению искусства аршинами мещанским и не мещанским мне непонятно уже потому, что то искусство, к которому приложим мещанский аршин—уже не искусство. Я думаю, что одна только мера к искусству и приложима—мера большой или меньшей его революционности, живущей в протестующем духе человеческом, — в той творческой энергии, которой озарено бывает всякое подлинное произведение искусства.

И все-таки, однако, несмотря на то, что мещанского искусства нет,—говорить о мещанском начале в искусстве приходится часто. Это мещанское начало заставляет о себе вспоминать в тех случаях, когда мы видим как постепенно заостривается некогда живое и гибкое тело художественной школы. И мы знаем причину окостенения и омертвления: она в тишиной для мещанского мирозерцания успокоенности и самодовольстве. Причина тления — не в данном мирозерцании (ибо всякое искреннее художественное мирозерцание приемлемо в искусстве), а в том, что это мирозерцание установлено **впредь навсегда**. Причина разложения не в том, что школа исповедует свои догматы, а в том, что догматы эти непререкаемы и к исполнению **обязательны**. Причина гибели не в скрижалях (пусть собо стоит), а в том, что заветы на них высечены без орфографических ошибок. Причина смерти в обязательности, в принудительности в **нормативности** заветов. А также и в том, что на солнце этих заветов нет пятен.

Если такая безупречность эстетических догматов школы неповедует не только ее приверженцами, но и признается большой публикой, тогда смерть школы, как выразитель-

⁹⁾ Сочинения XV том «О верах» 330.

¹⁰⁾ XV том: «О религии».

¹¹⁾ Ibid.

¹²⁾ «Дневник» I, 53.